

Чж. Ли*

УНИКАЛЬНОСТЬ ПРИНЦИПА ВИНЫ В РОССИЙСКОМ ДЕЛИКТНОМ ПРАВЕ

В гражданском праве, в отличие от уголовного, действует презумпция виновности правонарушителя. Является ли данный тезис общим правилом? Для российского права возможен положительный ответ на этот вопрос, а для подавляющего большинства зарубежных правовых систем такой тезис не является верным. Как в континентальном, так и в общем праве противопоставляются не уголовное и гражданское право, а два института в рамках последнего. Если для договорного права характерна презумпция виновности, то для деликтного права общепринятой нормой является презумпция невиновности. Несмотря на такое явное различие между российским и зарубежным правом, уникальность первого редко становится предметом сравнительно-правового исследования. Обычно проводится сравнение континентального и общего права, поскольку между ними действительно существуют серьезные различия. Но в настоящей статье будет показано, что различие в применении принципа вины между этими двумя правовыми системами не настолько велико как выглядит на первый взгляд. Представляется не менее важным и необходимым выявить уникальность российского деликтного права.

В настоящей статье предлагается проанализировать разные подходы к принципу вины в российском и зарубежном праве. Для этого сначала будут рассмотрены особенности принципа вины в основных правовых системах, в частности романской, германской и системе общего права. Это создаст тот необходимый общий фон, на котором можно выявить своеобразие принципа вины в российском праве. Особое значение будет отведено историко-правовым аспектам законодательного укрепления принципа вины в соответствующем праве. Затем будет исследовано, каким образом принцип вины применяется, т. е. что именно презюмируется в деликтных обязательствах — виновность или невиновность причинителя вреда. Особое место уделяется рассмотрению советской правовой доктрины, поскольку именно она сыграла критическую роль в определении особого характера российского деликтного права.

Закрепление принципа вины и презумпции невиновности в континентальном и общем праве. XIX век стал особым веком для принципа вины. Благодаря Гуго Гроцию (Hugo Grotius, 1583–1645), который систематически обобщил существующее в то время многообразие подходов к понятию вины¹ и определил его как обязательное условие гражданско-правовой ответственности,² принципу вины удалось обрести статус

* Чжеву Ли — аспирант кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета, магистр права Корейского университета.

© Чж. Ли, 2012

E-mail: evercurly@gmail.com

¹ Главными подходами были объективистская теория, происшедшая из римского права, и сугубо субъективистская теория, источником которой является каноническое право. До обобщения Г. Гроцием этих подходов попытки согласовать их не были успешными.

² Хотя Г. Гроций в его более ранней работе «Inleidinge», написанной в 1621 г. (но издана в 1631 г.), исключил вину в качестве условия ответственности, он стал придерживаться виновной

абсолютной догмы к началу кодификации гражданского права в Европе. Поэтому принцип вины стал неотъемлемой частью современного деликтного права. Даже в общем праве, которое до этого времени прямо не требовало вины как необходимого элемента состава деликта, принцип вины был установлен путем окончательного формирования института «*negligence*», деликта, который впоследствии стал одним из самых важных институтов в современном общем праве. Разумеется, принцип вины неодинаково отражался в различных кодексах и правовых системах.

Самое верное выражение принципа вины принадлежит Французскому гражданскому кодексу (ФГК, 1804 г.). Здесь закрепились общая норма виновной ответственности в ст. 1382. Эта статья, которая на протяжении более двух столетий практически не подвергалась изменению, гласит следующее: «Какое бы то ни было действие человека, которое причиняет другому ущерб, обязывает того, по вине (*faute*) кого ущерб произошел, к возмещению ущерба».³ В указанной выше норме нетрудно заметить широкое определение деликтной ответственности. Подход ФГК объясняется сильнейшим влиянием естественно-правовой школы, которая в то время находилась на пике своего развития. В какой-то мере можно сказать, что сфера применения общей нормы в ФГК была еще шире, чем у Г. Гроция. Ведь голландский правовед пытался ограничить ее, предлагая определенную группу защищаемых прав и интересов.⁴ При таком подходе к вине французское гражданское право признает презумпцию невиновности причинителя вреда. Здесь действует достаточно простая логика, которая общепринята в континентальном праве. По общему правилу, риск убытков падает на самого потерпевшего. Возложение обязанности по возмещению убытков на лицо, которое не понесло их, является исключением, требующим определенных оснований. Факт нарушения обязательств в договорных отношениях признается таким основанием, поскольку неисполнение обязательств, возникших между сторонами, представляет собой аномальное состояние гражданского оборота. Поэтому должник презюмируется виновным, и на нем лежит бремя доказывания отсутствия вины. Для деликтных отношений такое основание отсутствует, поэтому нужно применить первоначальное общее правило. В результате возмещение убытков возможно только тогда, когда потерпевший сам докажет вину правонарушителя.

В Германском гражданском уложении (ГГУ, 1896 г.), составленном почти столетие спустя, принцип вины также лежал в основе института гражданско-правовой ответственности. Однако можно указать по крайней мере на одну важную отличительную черту. Общая норма о деликтной ответственности ГГУ (ст. 823) отличалась от ст. 1382 ФГК тем, что в ней отражались стремления немецких составителей несколько ограничить ответственность: «Лицо, которое умышленно или в результате неосторожности противоправно причинит вред жизни или здоровью, посягнет на свободу, собственность или иное право другого лица, обязано возместить потерпевшему причиненный вред».⁵ Здесь замечается закрепление защищаемых субъективных прав, которые

ответственности спустя четыре года в работе «*De jure belli ac pacis*», которая получила широкую известность.

³ Французский гражданский кодекс 1804 г. (перевод И. С. Перетерского). М., 1941. С. 305.

⁴ Среди таких прав и интересов можно выделить жизнь, тело и его члены, доброе имя, честь и собственные действия (см.: Гроций Г. О праве о войне и мире. М., 1994. С. 420).

⁵ Гражданское уложение Германии. 2-е изд., доп. / Пер. с нем. М., 2006. С. 239.

буквально полностью совпадают со списком прав, предложенным Гроцием.⁶ В результате получилась норма более узкого объема по сравнению с той, которую находим в ФГК. Такое ограничение ответственности, можно предположить, ярко отражает важные изменения, происходившие в XIX в., — крушение естественно-правовой доктрины и развитие позитивизма. Поэтому в отличие от ФГК, хотя принцип вины сохранен в ГГУ, его статус более не являлся абсолютным. Вина причинителя уже далеко не всегда приводила к наступлению его ответственности. Хотя принцип вины, несомненно, и стал терять прежний статус, он в любом случае оставался главным принципом в деликтных обязательствах. Также неизменным для ГГУ оставалось признание презумпции невиновности причинителя вреда.

Влияние Г. Гроция не ограничивалось пределами континентальной части Европы. В общем праве, благодаря ему и другим представителям естественно-правовой школы, таким как С. Пуфендорф (*Samuel von Pufendorf*, 1632–1694) и Дж. Бурламаки (*Jean Jacques Burlamaqui*, 1694–1748), идеи о вине, в частности «*negligence*» (небрежность), которые к тому времени уже встречались в судебной практике Англии, могли получить достойное развитие. Дело в том, что поначалу общее право, преследовавшее совершенно иной путь развития, отличалось от континентального права многим, особенно значением вины в деликтном праве. В связи с этим встречается мнение о том, что деликтные обязательства в общем праве были традиционно основаны на начале вины.⁷ Однако с таким однозначным утверждением согласиться нельзя. По крайней мере, оно обязательно нуждается в уточнении, поскольку отражает лишь одну сторону медали. Ведь в судебной практике английских королевских судов Средних веков практически не обсуждались проблемы, связанные с виной,⁸ не говоря о том, что «*negligence*», деликт, основанный на небрежности причинителя, как правовой институт развился только к первой половине XIX в. Поэтому, наоборот, главной характеристикой англосаксонского деликтного права до сравнительно позднего времени можно назвать возложение ответственности за сам факт причинения вреда. Тогда почему возникают противоположные взгляды на природу общего права? Дело в том, что вина действительно играла важную роль в общем праве, поскольку в деликтах она в виде умысла предполагалась. Но такое предположение можно назвать лишь условным, поскольку вина как таковая прямо не являлась условием ответственности, хотя она, как правило, имела место. Кроме того, общее право, наподобие римского права, было основано на системе исков. Защищались только те материальные права, за которыми признавались права на иск.⁹ А «*trespass*», самый древний и важный деликт в традиционном общем праве, по своей природе был изначально связан с теми обстоятельствами, в которых наличие умысла было очевидным. Например, поначалу признавался под этим деликтом только такой вред, который

⁶ Гроций в работе «*Inleidinge*» выделял пять категорий прав: право на жизнь, здоровье, индивидуальную свободу, честь и имущество. Единственная разница заключается в том, что в ГГУ добавилось «иное право другого лица» к перечню прав Гроция.

⁷ *Гражданское и торговое право капиталистических государств* / Под ред. Р. Л. Нарышкиной. М., 1984. Ч. 2. С. 198; Дмитриева О. В. Ответственность без вины в гражданском праве. Воронеж, 1997. С. 23.

⁸ *Ibbetson D. J. A historical introduction to the law of obligations*. Oxford, 2006. P. 39–43.

⁹ Необходимо было получить предписание (*writ*) канцлера или прямое согласие суда принять дело к рассмотрению, чтобы подавать иск. Перечень случаев, когда выдавались предписания, был весьма ограниченным (подробнее см.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1999. С. 213).

был причинен непосредственно, т. е. телесным воздействием на телесную вещь (*corpore corpori*). Поэтому не существовало необходимости специально рассматривать вину как условие ответственности, поскольку она, по самому определению «*trespass*», предполагалась. На самом деле, на практике в таких случаях допускался иск не на основании вины, а на самом факте непосредственного посягательства. В результате этой причинная связь, как условие ответственности, была самым важным элементом состава гражданского правонарушения, и она остается одной из главных характеристик основания ответственности в общем праве и сегодня. На основании всего изложенного можно сказать, что виновное начало деликтов традиционного общего права не имеет однозначного характера.

Итак, изначально различие между континентальным и общим правом было весьма значительным. Однако со временем значение вины росло в общем праве, особенно под влиянием естественно-правовой школы. А поскольку общее право в целом оставалось по своей природе относительно казуистичным, вместо формирования принципа вины общего характера, который бы применялся во всех деликтных обязательствах, установился специальный деликт «*negligence*», который в отличие от других деликтов был целиком основан на этом принципе. Правда, общее право отличалось тем, что установившееся «*negligence*» как условие возникновения ответственности отличалось от «неосторожности», применимой в континентальном праве. Обязательно предполагалось наличие «обязанности соблюдать осторожность» (*duty of care*), которая отличается от обязанности абстрактного и общего характера, найденного в романском и германском праве. Ведь в деликте «*negligence*» применялось два приема юридической техники: прежде всего, нужно было установить наличие обязанности соблюдать осторожность, и только после этого рассматривать вопрос о том, имело ли место нарушение указанной обязанности. Если же в континентальном праве, как правило, существует общая пассивная обязанность, согласно которой лицо должно воздерживаться от нарушения субъективных прав и интересов другого лица, то в общем праве такая обязанность могла существовать не всегда. Стоит вспомнить мнение, выраженное в деле *Le Lievre v. Gould* (1893) судьей Эшером (*Lord Esher*), согласно которому «человек может, по отношению ко всему миру, быть небрежным настолько он желает, если не имеет обязанности (соблюдать осторожность)».¹⁰

Несмотря на некоторые особенности общего права, важным является то, что оно, как и романо-германское право, признает принцип вины, который лежит в его основе. А что касается презумпции невиновности причинителя вреда, то она выражена в общем праве еще ярче, чем в континентальном, благодаря необходимости доказывания наличия «*duty of care*». На основе сказанного можно полагать, что различия между континентальным и общим правом в настоящее время оказываются относительными и ограниченными.

Установление принципа вины и презумпции виновности в российском деликтном праве. Чтобы рассмотреть особенности российского права, необходимо вернуться в прошлое, к главному источнику гражданского права дореволюционной России — Своду законов Российской империи (в дальнейшем Свод законов). Был ли принцип вины закреплен в этом источнике? Не стоит делать поспешных выводов, поскольку

¹⁰ *Zweigert K., Kötz H. An introduction to comparative law (Third edition). Oxford, 1998. P. 611. —* Добавим, что первоначально содержание обязанности соблюдать осторожность не было единым.

юридическая природа деликтных обязательств в русском гражданском праве была достаточно дискуссионной. Этому способствовала, помимо прочего, особенность его норм о деликтных обязательствах, которые разделялись в зависимости от природы деяний, вследствие которых был причинен вред: были установлены нормы о преступлениях отдельно от норм о действиях, не признаваемых таковыми. Начнем с рассмотрения первых из них. Ответственность за уголовно наказуемое поведение регулировалась ст. 644–683 т. X ч. 1 Свода законов. Из них самыми важными являются ст. 644¹¹ и 647.¹² Прочитав их в совокупности, несложно заметить, что принцип вины здесь был установлен прямо. В этом плане неясностей не было. Что касается норм о поведении, которое преступлением не признавалось (ст. 684–689), то о них мнения не совпадали. Такие правоведы, как Г. Ф. Шершеневич,¹³ Д. И. Мейер,¹⁴ Д. Г. Тальберг,¹⁵ Э. Э. Пирвиц¹⁶ и многие другие, считали, что в русском гражданском праве вина есть общее основание обязательства вознаграждения за вред. Согласно Г. Ф. Шершеневичу отсутствие в ст. 684¹⁷ прямого установления понятия вины не означает отказ законодателя от принципа вины. Он замечает, что «невероятно, чтобы законодатель имел в виду установить более суровую ответственность за непроступные недозволенные действия, чем за преступные».¹⁸ Другие не придерживались этой позиции, особенно по той причине, что исключительно логическое толкование соответствующих норм не могло не привести к тому выводу, что, в отличие от ст. 644 и ст. 647, здесь не было каких-либо особых оснований утверждать о наличии принципа вины. Одним из сторонников такой позиции был К. П. Победоносцев. Утверждая, что ст. 647 не распространяется на непроступное поведение, он установил, что «действие, хотя и ненамеренное в своих последствиях, хотя и нечаянное, не может быть признано вполне случайным, ибо случай бывает вовсе без воли, а действие, исходя от лица, всегда состоит в связи с волею, и потому, кто, совершив его, нанес, хотя и нечаянно, вред чужому имуществу, нарушил сферу чужого права, тот и без вины должен вознаградить хозяина. Таков логический вывод из редакций 684–689 статей».¹⁹ Победоносцев был не одинок в своем утверждении. Кроме него отрицали виновное начало К. Н. Анненков, Ф. И. Осецкий и др.²⁰ Тем не менее представляется более

¹¹ «Виновный в совершении какого-либо преступления или проступка, несмотря на то, с предумышлением или без оного учинено им сие преступление, обязан вознаградить за все непосредственно причиненные сим деянием его вред и убытки».

¹² «Не подлежат вознаграждению вред и убытки, происшедшие от деяния случайного, учиненного не только без намерения, но и без всякой со стороны учинившего оное неосторожности».

¹³ Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. Тула, 2001. С. 510–512.

¹⁴ Мейер Д. И. Русское гражданское право. М., 1997. Ч. 1. С. 213–215.

¹⁵ Тальберг Д. Г. Гражданский иск в уголовном суде или соединенный процесс. Киев, 1888. С. 157–160.

¹⁶ Пирвиц Э. Э. Значение вины, случая и непреодолимой силы в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2010. Т. X. № 5. С. 190–193.

¹⁷ «Всякий обязан вознаградить за вред и убытки, причиненные кому-либо его деянием или упущением, хотя бы сие деяние или упущение и не составляли ни преступления, ни проступка, если только будет доказано, что он не был принужден к тому требованиями закона или Представительства, или необходимою лично обороною, или же стечением таких обстоятельств, которых он не мог предотвратить».

¹⁸ Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. С. 511.

¹⁹ Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Т. 3. М., 2003. С. 557.

²⁰ Анненков К. Н. Система русского гражданского права. Т. I. СПб., 1894. С. 535; Осецкий Ф. И. Смерть и увечье при эксплуатации железных дорог. СПб., 1890. С. 62–63; и др.

адекватным и убедительным положение, основанное на виновном начале. Несмотря на определенную неясность соответствующих норм в Своде законов, все же трудно не признавать принцип вины основой деликтных обязательств в самом главном источнике русского гражданского права. Отрицание принципа вины в ст. 684 привело бы к тому неприемлемому выводу, что составители Свода законов смешивали уголовную ответственность с гражданско-правовой. Неужели предполагалось, что тот, на кого возлагают уголовную ответственность, освобождается от гражданско-правовой?²¹ Иначе как объясняется возложение гражданско-правовой ответственности только на добросовестное лицо, причинившее вред неправомерным действием? Одного того факта, что в Своде законов отдельно установлены нормы для преступных и неправомерных действий, достаточно, чтобы полностью опровергнуть возможность такого намерения смешивать публичное и частное право. Наоборот, это говорит об осознанном разделении двух указанных отраслей права. Поэтому, исключая такую возможность, мы приходим к выводу, что составители, вероятнее всего, предполагали виновное начало ответственности за вред, независимо от того, каким действием это было причинено. Такой вывод поддерживается и кассационной практикой Правительственного Сената. Можно привести многочисленные решения кассационного департамента, в которых признавалось виновное начало ответственности за вред, причиненный неправомерными действиями. Согласно этим решениям причинитель неправомерных действий мог ссылаться на ст. 647 и тем самым оправдываться отсутствием вины.²² Тем более в проекте Гражданского уложения Российской империи (далее — проект Гражданского уложения) общая норма о деликтных обязательствах (ст. 2601) весьма конкретно устанавливала принцип вины: «Совершивший с умыслом или по неосторожности недозволенное деяние (действие или упущение) обязан вознаградить за причиненный таким деянием вред». Что касается вопроса доказывания виновности причинителя вреда, то дореволюционное русское право, подобно другим правовым системам, признавало принцип презумпции невиновности. Г. Ф. Шершеневич, придерживаясь этой позиции, объясняет, что даже в том случае, когда истцу не удастся доказать вину причинителя, «ущерб, хотя бы в действительности причиненный виной ответчика, останется невозмещенным».²³

Если дореволюционное русское право развивалось более или менее по одному пути с континентальным правом, то после социалистической революции положение изменилось. Начиная с событий 1917 г. Россия претерпела радикальные изменения в правовой системе. Известный постулат В. И. Ленина лучше всего выражает новое направление мысли того времени: «...мы ничего “частного” не признаем, для нас все в области

²¹ Что касается противоположного случая (т. е. когда гражданская ответственность исключает уголовную), то такое могло встречаться. Согласно ст. 668 т. X Свода законов «иск о платеже бесчестия не может быть соединен с требованием о наказании виновного в нанесении личной обиды или оскорбления». При этом нужно помнить, что эта норма носила характер исключения. Тот факт, что специально установлено такое правило по отношению к искам о платеже бесчестия, доказывает общее правило о том, что гражданские и уголовные иски, преследующие разные цели, не исключают друг друга. Случаев, когда уголовная ответственность исключает гражданскую, не установлено.

²² Цит. по: *Пирвицу Э. Э.* Значение вины, случая и непреодолимой силы в гражданском праве. С. 192 (1884 г. № 144 по делу Кузнецова; 1881 г. № 174 по делу Щербинина; 1876 г. № 114 по делу Альбедкова; 1876 г. № 304 по делу Ящинского; № 529 по делу Савельева; 1875 г. № 9 по делу Кленской; 1873 г. № 407 по делу Баранова; 1870 г. № 1132 по делу Огнева).

²³ *Шершеневич Г. Ф.* Курс гражданского права. С. 516.

хозяйства есть публично-правовое, а не частное».²⁴ Конечно, такой подход не мог не сказываться и на деликтном праве, и на представлениях о справедливости. В результате юристы этой эпохи начали мыслить совершенно по-иному. П. И. Стучка, один из самых влиятельных правовых деятелей и юристов начала XX в., наделил новое революционно-марксистское правопонимание следующими признаками: классовый характер всякого права; революционно-диалектический метод (вместо формальной юридической логики); материально общественные отношения как базис для объяснения и понимания правовой надстройки.²⁵ Одним словом, сформировался классово-идеологический подход, согласно которому правовая политика отдельных институтов должна была, в первую очередь, соответствовать духу новых социалистических идеалов и ценностей. А. Г. Гойхбарг, который играл решающую роль в работе над первым гражданским кодексом РСФСР, именно на таком основании критиковал принцип вины как основание гражданско-правовой ответственности. «Наш Кодекс, — говорит он, — не стоит на точке зрения необходимости вины причинившего вред для возникновения его ответственности... Кроме того, начало вины вообще отвечало бы индивидуалистическому и менее развитому строю».²⁶ Таким образом, принцип вины не просто ограничивался, он был полностью отвергнут. Если учесть то, что, например, французское и германское право с большим трудом развивали ту или иную форму безвиновной ответственности, причем только для строго ограниченных случаев,²⁷ радикальность подхода революционных юристов становится весьма очевидной. Принимая во внимание правовое направление того времени, не говоря уж об авторитете и статусе самого профессора Гойхбарга, неудивительно, что в ст. 403 ГК 1922 г., устанавливающей общую норму деликтной ответственности, полностью отсутствует термин «вина» (разумеется, имеется в виду вина причинителя, а не потерпевшего).²⁸

Отрицание принципа вины вовсе не означало отрицания справедливости. Наоборот, это был результат целенаправленной попытки реализовать справедливость. Просто одна форма справедливости заменилась другой, отличной от той, которая применялась в других правовых системах. Если последние прежде всего ставили перед собой цель признания и защиты прав и свобод индивидуальных лиц, то новорожденное «пролетарское» право заботилось об интересах всего класса трудящихся в целом. Ведь такие ключевые фигуры в формировании советского права, как Д. И. Курский, который был наркомом юстиции (1918–1922) и главой Института советского права, откровенно высказывали мнение о том, что нет места для «норм вроде *Habeas Corpus*».²⁹ Конечно, при этом нельзя забыть, что со временем и доктрина, и судебная практика постепенно отходили от принципа причинения. Х. И. Шварц в своей монографии резко критиковал принцип причинения, утверждая, что все же ст. 403 ГК 1922 г. была основана на принципе вины, несмотря на отсутствие этого термина в тексте Кодекса. Он, в частности,

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. М., 1974. С. 398.

²⁵ Стучка П. И. Мой путь и мои ошибки // Советское государство и революция права. 1931. № 5–6. С. 70.

²⁶ Гойхбарг А. Г. Хозяйственное право РСФСР. М., 1923. С. 125.

²⁷ В основном это касалось последствий, связанных с источником повышенной опасности.

²⁸ «Причинивший вред личности или имуществу другого обязан возместить причиненный вред. Он освобождается от этой обязанности, если докажет, что он не мог предотвратить вреда, либо что был уполномочен на причинение вреда, либо что вред возник вследствие умысла или грубой неосторожности самого потерпевшего» (ст. 403 ГК 1922 г.).

²⁹ Цит. по: Нерсесянц В. С. Философия права. М., 2008. С. 216.

обосновывал свою позицию указанием на то, что включение термина «предотвратимость» в данную статью как раз подтверждает установление виновной ответственности.³⁰ В контексте ст. 403 профессор Шварц предлагает понимать «предотвратимость» как «случай», поскольку другое возможное понимание, т. е. «непреодолимая сила», охватывается ст. 404 ГК 1922 г. Хотя его аргумент имеет положительные стороны, он не безупречен. Во-первых, ст. 404 ГК 1922 г. была предназначена для регулирования последствий, возникающих вследствие причинения вреда источником повышенной опасности. Установление в ст. 404 непреодолимой силы как обстоятельства, освобождающего владельца источника повышенной опасности от ответственности, не дает особых оснований говорить о том, что «предотвратимость» в ст. 403 ограничивается только случаем. Во-вторых, можно предположить, что если бы законодатель был намерен установить виновную ответственность, то логичнее было бы ему прямо употреблять термин «вина» вместо «предотвратимость». Ведь в этой же статье вина потерпевшего обозначается «умыслом и неосторожностью». Поэтому представляется, что, по крайней мере, составляя текст ст. 403 ГК РСФСР 1922 г., законодатель предусматривал безвиновную ответственность. Другое дело, что со временем господствующее мнение отошло от этой позиции и вернулось к принципу вины.³¹ При этом интересно и важно то, что Х. И. Шварц, отвергая принцип причинения, так же, как и противники принципа вины, прибегал к идеологическим аргументам. Он утверждал, что «теория причинения есть идеологическое отражение некоторых новых явлений, происходящих в капиталистической экономике... В капиталистических условиях институт возмещения вреда (как, впрочем, и все институты буржуазного права) действует в интересах буржуазии, в интересах богатых, против трудящихся».³² Здесь нужно отметить, что подход носит сильно выраженный классовый и идеологический характер. Таким образом, независимо от того, какой принцип признавался в качестве основы деликтного права, советские авторы обосновывали свои положения одной и той же целью, а именно защитой интересов класса трудящихся как целого.

Если наличие принципа вины в советском гражданском праве вызывало немало разногласий, то дело обстояло совсем по-другому с презумпцией виновности. В отличие от Запада, где как в континентальном праве, так и в общем праве, презюмируется невиновность причинителя вреда, в советском деликтном праве презумпция виновности с самого начала не вызывала больших сомнений.³³ Более того, она впоследствии была закреплена законодательно в п. 2 ст. 444 ГК 1964 г.: «Причинивший вред освобождается от его возмещения, если докажет, что вред причинен не по его вине».³⁴ Интересно, что это не соответствует общему правилу гражданско-процессуального права, согласно

³⁰ Шварц Х. И. Значение вины в обязательствах из причинения вреда. М., 1939. С. 16. — Сходного мнения придерживались многие другие (см.: Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М., 1951. С. 73–80).

³¹ В любом случае, если все же законодателем изначально предполагалась виновная ответственность, то редакция ст. 403 была далеко не самой удачной. Сам профессор Шварц признавал это. Не зря он предложил в будущем законодательно зафиксировать вину как основание гражданско-правовой ответственности, чтобы устранить какие-либо неясности.

³² Шварц Х. И. Значение вины в обязательствах из причинения вреда. С. 8–9.

³³ Из противников презумпции виновности можно назвать К. С. Юдельсона (см.: Юдельсон К. С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М., 1951. С. 286–290).

³⁴ Если считать, что ст. 403 ГК 1922 г. все же была основана на виновной ответственности, то презумпция виновности причинителя была установлена уже в первом советском гражданском кодексе,

которому бремя доказывания лежит на истце. Ведь истец стремится разрушить предположение, что существующий фактический порядок соответствует юридическому. Однако советские юристы решили пойти по иному пути. Как можно объяснить такое решение? Ответ можно найти у Х. И. Шварца. «Буржуазное право, по общему правилу, придерживается принципа возложения бремени доказывания на истца... Это — одно из многих выражений фальшивого, ограниченного, урезанного характера демократизма правовой надстройки буржуазии... Если же истец человек небогатый, трудящийся, то такое распределение обязанностей доказывания ставит его в весьма затруднительное, часто безвыходное положение, ибо известно, что в подавляющем большинстве случаев доказать вину причинителя ущерба крайне трудно».³⁵ А. Я. Вышинский обосновывает презумпцию виновности спецификой советского суда. Он говорит, что «советский суд стремится к установлению... подлинной правды. В силу этого советский суд при разрешении, например, гражданских дел действует не только на основании данных, представленных сторонами... но обязательно вникая в подлинное существо тех или иных правоотношений».³⁶ Нужно отметить, что со временем классово-идеологический подход несколько ослаб. О. С. Иоффе признавал в середине 1950-х гг., что ввиду «ликвидирования остатков эксплуататорских классов» в советском обществе ссылка на классовую принадлежность участников спора устарела.³⁷ В советской правовой литературе более позднего времени, действительно, реже появлялись аргументы классового характера, но сама природа советской правовой системы, зарожденной на классово-идеологических началах, сохранила свою уникальность. Даже тогда, когда об идеологии вовсе не говорилось, эти начала продолжали свою жизнь «между строк» и на подсознательном уровне, поскольку изначально именно они способствовали признанию презумпции виновности. Это равным образом касается действующего Гражданского кодекса Российской Федерации. Хотя он явно был составлен в совершенно другое время, с другими целями, он все же косвенным образом основан на прежних началах. Сам факт признания и зафиксирования презумпции виновности говорит об этом.

Согласно п. 2 ст. 1064 ГК РФ «лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине». Учитывая, что норма почти полностью повторяет текст п. 2 ст. 444 ГК РСФСР 1964 г., не является ошибкой предположение о том, что разработчики ГК РФ не прилагали усилий для изменения основного подхода к презумпции виновности. Это говорит также о том, что презумпция виновности настолько естественно воспринимается российскими юристами, что не возникает необходимости или желаний изменить это, хотя как в национальных законах других стран, так и в международных законодательных проектах³⁸ презумпция виновности признается в узкоограниченных случаях. Это объясняется тем, что в зарубежных правовых источниках правонарушитель признается виновным только тогда, когда специально требуется отклонение от принципа вины. В качестве примера можно

поскольку причинитель нес бремя доказывания обстоятельств, освобождающих его от ответственности.

³⁵ Шварц Х. И. Значение вины в обязательствах из причинения вреда. С. 28.

³⁶ Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950. С. 177.

³⁷ Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955. С. 130.

³⁸ Среди самых значимых проектов можно назвать «Принципы европейского деликтного права» (Principles of European tort law), подготовленные «Европейской группой деликтного права» (European Group on Tort Law) в 2005 г.

привести Принципы европейского деликтного права (далее — ПЕДП). Согласно п. 1 ст. 4:201 («Освобождение от бремени доказывания вины. Общие положения») «возможность освобождения от бремени доказывания вины зависит от серьезности той опасности, которой чревата данная деятельность».³⁹ Данный пример явно показывает разные подходы к данному вопросу российского и зарубежного права.

Заключение. Сравнение основных правовых систем показало, что общее право не так сильно отличается от континентального права, когда речь идет о принципе вины и презумпции невиновности. В ходе работы также было выявлено, что российское право в силу признания презумпции виновности правонарушителя в качестве общего правила действительно стоит особняком в сфере современного деликтного права. Главной причиной этого стал своеобразный исторический путь развития. Хотя возникает немало интересных вопросов, связанных с темой данного исследования, представляется необходимым задать в заключение следующий вопрос: что, собственно, означает признание презумпции виновности для российского деликтного права в целом? Ответ на этот вопрос, разумеется, требует отдельного исследования, но стоит подчеркнуть один момент. Возможно в результате признания презумпции виновности усиливается гражданско-правовая ответственность в российском деликтном праве, особенно по сравнению с той, которая возникает в праве зарубежном. Иными словами, там, где зарубежное деликтное право в качестве общего правила признает презумпцию невиновности, российское право признает презумпцию виновности. Там, где зарубежное право в качестве исключения из общего правила признает презумпцию виновности (например, когда вред причинен опасной деятельностью), российское право в зависимости от источника опасности и характера деятельности может вообще исключить вину в качестве условия ответственности. Даже когда зарубежное право признает «строгую», т. е. безвиновную, ответственность по отношению к деятельности, создающей повышенную опасность, российское право все равно действует «строже», поскольку оно, как правило, признает только непреодолимую силу и умысел потерпевшего в качестве обстоятельств, освобождающих причинителя от ответственности (см. ст. 1079 ГК РФ). В отличие от российского, зарубежное право может к этому добавить такие условия, как предвидимость (*foreseeability*) (подп. «а» п. 2 ст. 5:101 ПЕДП) и свойство «распространенности» (*common usage*) (подп. «b» п. 2 ст. 5:101 ПЕДП), что значительно уменьшает «строгость» ответственности. Учитывая, что сам перенос бремени доказывания вины часто воспринимается в зарубежных правовых системах как один из признаков ответственности без вины или, по крайней мере, приближающейся к безвиновной ответственности, можно даже задаться вопросом: существует ли в российском гражданском праве «поистине» виновная ответственность? Конечно же, данная работа не претендует на то, чтобы дать однозначный ответ на этот счет.⁴⁰ Можно лишь предположить, что последствия признания презумпции виновности весьма значительны для российского права. Очевидно также, что в ближайшем будущем не предвидится отказ от презумпции виновности правонарушителя, а это значит, что российское деликтное право сохранит свою уникальность среди аналогичных правовых институтов зарубежных стран.

Статья поступила в редакцию 20 июня 2012 года

³⁹ Principles of European Tort Law: Text and Commentary. Springer Wien New York, 2005. P. 261.

⁴⁰ Ограниченный объем данной работы не позволяет дать на этот вопрос развернутый ответ.